

- ³ РГИА. Ф. 569. Оп. 16. Д. 74.
- ⁴ *Столянский П.Н.* Старый Петербургъ. СПб., 1916.
- ⁵ Справочная книга о лицах С-Пб купечества и др. званий... 1899.
- ⁶ Вестникъ Императорскаго Россійскаго общества садоводства. 1893. С. 165.
- ⁷ *Резель А.Э.* Изящное садоводство и художественные сады / изд. Г.Б. Винклер. СПб.
- ⁸ *Резель А.Э.* Изящное садоводство и художественные сады / изд. Г.Б. Винклер. СПб.
- ⁹ РГИА. Ф. 256. Оп. 3. Д. 723.
- ¹⁰ Справочная книга Суворина. СПб., 1879.
- ¹¹ Путеводитель по городу. СПб., 1874.
- ¹² Вестникъ Императорскаго Россійскаго общества садоводства. 1894. С. 183.
- ¹³ ЦГИА. Ф. 1343. Оп. 40. Д. 5931.
- ¹⁴ ЦГИА. Ф. 1343. Оп. 40. Д. 5931.
- ¹⁵ ЦГИА. Ф. 468/2417. Оп. 42. Д. 1900.
- ¹⁶ Вестникъ Императорскаго Россійскаго общества садоводства. 1900. № 16.
- ¹⁷ ЦГА КФФД. Санкт-Петербург. Фото Ф. Буллы.
- ¹⁸ Исторический вестник. 1888. № 31.
- ¹⁹ Санкт-Петербургскіе ведомости. 1903. № 16.
- ²⁰ Костюмированный бал в Зимнем дворце: в 2 т. Т. 2: Альбом с фотографіями и биографическими статьями / Р.Р. Гафифуллин, при участии и под ред. М.Ю. Катина-Ярцева, А.А. Шумкова. М., 2003. Переиздание с предисловіем М. Пиотровскаго.
- ²¹ Известия Санкт-Петербургской городской Думы. 1903. № 130.
- ²² *Столыпин А.* Из истории города-юбилея.
- ²³ Вестникъ Императорскаго Россійскаго общества садоводства. 1911. № 1–6.
- ²⁴ РГИА. Ф. 513. Оп. 102. Д. 7772.
- ²⁵ Вестникъ Императорскаго Россійскаго общества садоводства. 1914. № 5–7.
- ²⁶ ЦГИА. Ф. 1102. Оп. 3. Д. 1245.
- ²⁷ *Ипполитова Г.А.* Поставщикъ двора Его Императорскаго величества и Его королевскаго Высочества принца Уэльскаго Г.Ф. Эйлерс // Немцы в Россіи. СПб., 1998.
- ²⁸ *Бём Б.Г.* Некоторые сведения о семье Г.Ф. Эйлерса до 1917 года и после революціи.

Р. Лейнонен, Э. Фогт

Архитекторы и художники Санкт-Петербурга

В течение многих лет в Санкт-Петербурге проводятся конференци, на которых участники предлагают новое и познавательно-ценное на тему «Немцы в Санкт-Петербурге». Но в то время, когда Роберт Лейнонен приступал к сбору материала для «биографіи» немецко-

го евангелическо-лютеранского Смоленского кладбища, его голос был лишь одним из немногих ему подобных.

Записки, наброски и фотографии заполняли многочисленные блокноты и папки. Когда я познакомилась с Робертом, то стало ясно, что собранный материал не может служить только самоцелью — результаты труда должны быть обязательно опубликованы. Итог длительной и трудной работы нам удалось превратить в две книги, рассказывающие о выдающихся немцах Санкт-Петербурга. Мы решили предложить вниманию главу из первого тома, в которой речь идет об архитекторах и художниках, нашедших свой последний приют на Смоленском кладбище и оставивших заметный след в истории города на Неве.

Эрика Фогт

Заголовок немецкого оригинального издания: *Robert Leinonen, Erika Voigt «Deutsche in St. Petersburg. Ein Blick auf den Deutschen Evangelisch-Lutherischen Smolenski-Friedhof und in die europäische Kulturgeschichte», Band I, Verlag Nordostdeutsches Kulturwerk, Lüneburg, 1998.*

Перечисляя имена тех, кто нашел покой на Смоленском кладбище, можно очень детально проследить всю историю Санкт-Петербурга с момента его постройки и дальнейшего развития до наших дней. Никакая другая столица не возникала так планомерно и заранее продуманно по плану своего могучего создателя, и ни одна из сравнимых с ней метрополий не обладала с первого дня своего рождения таким мультикультурным характером.

Если мы будем говорить только о личностях, покоящихся на Смоленском кладбище и оставивших еще при жизни заметный след в истории городе и даже за его пределами, то мы особенно ясно почувствуем планомерность и многонациональность Северной Пальмиры.

Петр Великий не мог реформировать российскую государственную систему в рамках существовавшей традиционной структуры страны, так сказать, на глазах недоверчивых старосветских московских боярских кланов. Ему было необходимо свободное пространство на севере у Невы; ему требовались знания и мастерство подготовленных специалистов, с которыми он познакомился во время своих поездок в Западную Европу и на которых сам произвел глубокое впечатление. И он пригласил в свою страну судостроителей и ремесленников, чтобы перво-наперво построить современный флот. В то же время силой своей безграничной энергии он начал осуществлять свой план по ликвидации

имеющихся на этих невзрачных местах селений и созданию здесь своей новой резиденции.

Заманчивое предложение русского царя приняли архитекторы и строители, которые привезли с собой на берега Невы свои опыт и знания.

В XVIII в. в русской архитектуре произошли значительные изменения, которые всесторонне повлияли на всю историю архитектуры. На повестке дня стояли новые, незнакомые доселе темы. Они касались главным образом концепций городской застройки с новыми требованиями организации жилых районов с обширными по размерам парковыми зонами и садами, со зданиями общественного значения и государственными учреждениями. Планировалось строительство новых промышленных и торговых центров. Все было тщательно продумано и увязано с общей системой военной обороны страны. В архитектуре Санкт-Петербурга это хорошо зрительно прослеживается.

Петр Первый начал закладывать город на абсолютно неподходящей для его планов и задумок территории. Он начал с немедленного строительства гавани и крепости, которые были нужны главным образом для защиты города. Необходимость обороны была связана с враждой с фактическим и формальным владельцам этих земель — шведами, военные противоречия с которыми тогда еще не были улажены.

Сначала были построены Адмиралтейство, т.е. огромная судостроительная верфь вдоль главного русла реки Невы, и Петропавловская крепость как защитное укрепление города с севера на противоположном берегу. Тут же под охраной крепости предполагалось развивать будущий центр города с торговыми рядами, жилыми домами, церквями и гостиницей. На схеме города того времени все это хорошо видно.

Однако план Петра не был реализован: бурное развитие торговли с иностранцами и связи с границей оказались сильнее воли царя и привели к тому, что центр города переместился сначала на Васильевский остров. Об этом свидетельствуют строительство правительственного здания Двенадцати коллегий (которое позже было передано университету), Кунсткамеры, биржи и таможни, и не в последнюю очередь Академии наук. Мощнее оказалось и бурное течение Невы, реки, налагающей отпечаток на характер своих берегов. Петр был не в состоянии постоянно управлять всей страной с острова, который большую часть года не имел связи с материком. Он вынужден был покориться силам природы: центр города образовался на южном берегу Невы, на материковой части, на так называемой Адмиралтейской стороне между Невой и Мойкой — тут был построен и Летний дворец в саду, выходящем на невскую набережную, и Зимний дворец, и другие здания и жилые дома для работников

верфи и ее чиновников; тут была построена первая Исаакиевская церковь и дом адмирала Крюйса с лютеранской церковью.

История архитектуры Санкт-Петербурга — это притягательная тема, захватывающая авторов и читателей как прежде, так и сегодня. Я сам продолжительное время занимался изучением истории петербургской архитектуры. И также неудивительно, что долгие годы многие имена архитекторов были вычеркнуты из истории. В моих записках перечисляется огромное число архитекторов и строителей города. Если вы внимательно перелистаете страницы истории города, то сможете сами убедиться в том, как велик вклад немецких архитекторов в строительство города и создание его архитектурного облика в течение последующих столетий. Меня всегда поражали и будут поражать творения немецких архитекторов; многие из них создали на берегах Невы незабываемые произведения, которые и сегодня впечатляют людей.

Некоторые архитекторы прибыли в новую столицу России из Германии, другие родились уже здесь и стали урожденными российскими немцами. В моей картотеке петербургских архитекторов и строителей перечислено по меньшей мере 240 немецких фамилий. Участие немцев в строительстве города еще недостаточно хорошо освещено в литературе, это богатая тема для историков архитектуры¹.

На Смоленском кладбище я обнаружил около 20 захоронений архитекторов, в том числе и очень известных. Назову некоторые, не придерживаясь какой-либо хронологии в истории города. Всех я охарактеризовать просто не смогу, предоставлю это специалистам.

Вот черный полированный обелиск, устремившийся вверх. Несколько слов в нижней части. Над ними еще видны следы крепления отбитого барельефа: *Давид Гримм (Grimm, 1823–1898)*. Академик, профессор Академии художеств, немало построивший в городе.

Он учился в Академии художеств, занимался архитектурой у Александра Павловича Брюллова и сдал экзамены в 1848 г. Особый интерес проявлял к памятникам и архитектуре Кавказа, длительное время изучал их на месте. Совершил длительные поездки в Грецию, Италию, Германию, Бельгию и Англию. Такого рода студенческие поездки в качестве награды за отличные успехи в учебе входили в программу образования с начала работы Академии. Несколько позже, в 1859 г., была издана книга Д. Гримма «Памятники византийской архитектуры в Грузии и Армении». Детальное изучение старых стилей нашло отражение и в его исследовательских работах; в созданных им церквях можно увидеть мотивы византийской и русской архитектуры.

Кроме того, Д. Гримм серьезно занимался историей архитектуры. В 1855 г. он получил звание академика. Почти тридцать лет — с 1859 по 1887 гг. — Д. Гримм преподавал в Академии художеств, а с 1888 по 1892 гг. являлся ректором факультета архитектуры.

Каждый, кто посетил Санкт-Петербург, знает монумент Екатерине II, воздвигнутый в 1873 г. на Невском проспекте по соседству с Публичной библиотекой им. М.Е. Салтыкова-Щедрина. Эскиз для этого произведения искусства был выполнен М.О. Микешиним (1836–1896), автором многих скульптурных творений. В создании памятника Екатерине II участвовали и другие художники, но всеми работами, связанными с монументом, руководил Д. Гримм, спроектировавший пьедестал.

В 1860-х гг. Д. Гримм перестроил зал библиотеки Академии художеств. По плану архитектора Гаральда Боссе (**Harald Bosse**) в 1862–1865 гг. была построена под руководством Д. Гримма Реформатская церковь². Это произошло вскоре после того, как Герман Дальтон (*Her-mann Daltoni*) занял в общине Реформатской церкви должность пастора. Церковь была расположена в удобном и очень видном месте на изгибе реки Мойки на Большой Морской улице (в недавнем прошлом улица Герцена). В 1930-х гг. церковь «перестроили» в Дворец культуры работников связи. Колокольню уничтожили. И этого забывать нельзя!

Давид Гримм основал целую династию архитекторов. В начале XX в. началась бурная деятельность его сына Германа Гримма; он, например, построил в 1907 г. здание гимназии К.И. Мая.

Через Давида Гримма породнились две семьи архитекторов: он был женат на дочери архитектора Гуна (**Huhn**). **Сын Германа, Герман Германович Гримм**, внук Давида, тоже стал архитектором и видным исследователем истории архитектуры.

Основателем другой архитектурной династии был архитектор Виктор Шрертер (*Schroter*, 1839–1901). Его потомки творили в Ленинграде и продолжают творить в Санкт-Петербурге. Сам основатель этой линии Виктор Александрович оставил в городе много известных зданий, его имя очень хорошо известно в городе. Объемная монография³, посвященная его творчеству, была впервые издана в 1991 г.

Сразу после окончания учебы в Академии художеств В.А. Шрертер, как и многие молодые люди тех лет, совершил путешествие по Германии, Франции и Италии, которое произвело на него неизгладимое впечатление. Его произведения подробно описываются в названной выше книге. Это проекты жилых домов, фирм, Русского торгового банка, Русского хирургического общества, новый оперный театр (1888), Мариинский театр, театры в Иркутске и в Тифлисе, вокзал в Одессе, лютеранская

церковь в Дерпте (Тарту, Эстония). Список можно продолжать и продолжать. Сохранилась и масса акварелей В. Шретера, которые он сделал в годы учебы и позже; они говорят о его многогранном таланте.

На кладбище возвышается семейное надгробие Ниссенов (*Nissen*), родителей жены В. Шретера. Этот памятник был создан по проекту самого В. Шретера.

Андреас Конрад Ниссен (1812–1895) был петербургским фабрикантом. Его потомки эмигрировали после революции в Германию и долго поддерживали связь в Берлине с выдающимся архитектором из Петербурга Карлом Шмидтом, которого революция тоже изгнала из России. На семейном месте Ниссенов на кладбище есть еще два скромных захоронения членов семьи В. Шретера. На правой могиле на бетонной раковине ясно читается надпись на русском языке: *Шретер* и инициалы *С.Л.* (или что-то иное...). Из раковины растет мощный ствол старого дерева. Это все, что осталось от надгробия. Конечно, не известно, кто здесь захоронен.

Немного правее сохранилась опорная плита второго надгробия, а на чугунной ограде позади укреплен хорошо сохранившаяся табличка с текстом: *В.В. Шретер* (1873–1937). Непонятно, кто это. Настораживает год смерти — 1937 — страшный год репрессий и расстрелов. Подробности мог бы разъяснить только специалист или биограф.

К сожалению, наша книга была издана очень небольшим тиражом и не могла дойти до специалистов. К тому же издана она на немецком языке и далеко не всем русским читателям доступна для понимания.

Сам Виктор Александрович Шретер похоронен в могиле Теодора Августа Бредта (*Bredt*); в ней захоронены и родители архитектора. Надписи на памятнике на немецком языке. Даем перевод:

Теодор Август Бредт

род. 23 дек. 1867 г.

ск. 17 апр. 1875 г.

Мария Августа Шретер

род. 20 дек. 1817 г.

ск. 19 ноября 1875 г.

Александр Готлиб Шретер

род. 17 янв. 1807 г.

ск. 10 янв. 1890 г.

Виктор Иоганн Готлиб Шретер

род. 27 апр. 1839 г.

ск. 16 апр. 1901 г.

проф. архитектуры

Кем был Теодор Август Бредт и какое отношение он имел к семье Шретеров, мы не знаем. Надгробие в виде мраморной фигурной стелы за чугунной оградой было реставрировано в 1989 г.⁴

Большой семье архитекторов Шауб (*Schaub*) принадлежит мощное надгробие в стиле петербургского модерна. Здесь мы найдем имена Вильгельма Шауба (1834–1905) и его сына, тоже Вильгельма Шауба (1861–1934). В русской литературе их обоих называли Василиями. На надгробии, как и у Давида Гримма, об их профессии ничего не сказано — ведь все в городе их знали.

Василий Васильевич Шауб-младший был видным представителем петербургского модерна. Жилые дома, фабричные здания, загородные виллы, школы и культовые заведения, построенные по его проектам, и сегодня напоминают о его деятельности в городе. Их причисляют к выдающимся памятникам той эпохи. Более 70 домов архитекторов Шаубов можно сегодня найти в Петербурге. Их потомки и сейчас проживают в городе на Неве. Девять представителей этой семьи названы на стене надгробия, в том числе и Борис Шауб, скончавшийся уже в 1987 г.

Из большого числа немецких архитекторов, работавших в российской столице, на кладбище захоронены академик архитектуры, профессор Фридрих Август Лонге (*Lange*, 1813–1881) — по-русски Александр Иванович Ланге — и архитектор Вольдемар Швейер (*Schweyer*; 1835–1874) — по-русски Владимир Егорович. А также архитектор и академик, профессор Академии художеств, городской архитектор Петербурга, племянник художника Карла Брюллова Николай Федорович фон Брюллов (*Brullow*, 1826–1885); Иосиф Дейчман (*Deutschmann*, 1863–1919); Эрвин Кольбе (*Kolbe*, 1888–1936); Фридрих Браун (*Braun*, 1799–1862); Александр Витте (*Witte*, 1836–1872); академик, городской архитектор Санкт-Петербурга Вильгельм (Василий Федорович) фон Геккер (*Hecker*; 1828–1902); архитектор и общественный деятель Александр Романович Гешвенд (*Geschwend*, 1833–1905); Георг Генрих (Егор) Гутман (*Guthmann*, 1816–1849); академик Александр Христофорович Кольб (*Kolb*, 1819–1887); Ганс Вильгельм Людвигович Конради (*Conradi*, 1882–1936); Иоганн Лаутер (*Lauter*, 1785–1849); Владимир Васильевич Фридлейн (*Friedlein*, 1873–1938); академик архитектуры Лев Францевич Вендрамини (*Leon de Vendramini*, 1812–1857); архитектор и общественный деятель, академик, профессор Академии художеств Эрнст Иванович Жибер (*Ernest Gibert*, 1824–1909); Иосиф Франц Теремин (Термен) (*Theremin*, 1860–1910); Джузеппе (*Guiseppe*, 1756–1829)

и Иван (1783–1833) Лукини (*Luchini*) из Швейцарии; Антонио Адамини (*Adamini*, 1794–1846); академик, педагог и общественный деятель, председатель общества архитекторов-художников и общества «Старый Петербург»⁵ Павел Юльевич Сюзор (*Suzor*; 1848–1919), один из наиболее плодовитых и выдающихся архитекторов и строителей Северной столицы конца XIX — начала XX в., зять архитектора Александра Брюллова, наряду с многими другими гражданскими зданиями построил и ряд храмов в городе⁶. На кладбище находится семейный участок архитектора Альфреда Парланда (*Parland*), создателя храма Воскресения Христова (Спаса на крови); сам архитектор здесь похоронен не был, тут расположены только могилы его родственников.

И вот архитектурное сооружение на могильном месте Лаутеров (надпись на немецком языке): «*Мудрым предопределением Божиим здесь покоится прах членов семьи Лаутер 1847: архитектор коллежский секретарь Иоганн Лаутер и Мария Лаутер урожд. Лоренц, статский советник Иоганн Карл, штабс-капитан Карл Павел, губернский секретарь Петр, Мария Анна, дочь коллежского секретаря Елизавета Анна — Лаутеры, Мета Доротея Головкина, урожд. Лаутер, Анна Ева Соколова, урожд. Энгель*».

Число немцев, перекочевавших в Санкт-Петербург из заграницы, было по отношению к другим этническим группам населения значительно больше. Родственные связи немцев с представителями других национальностей — голландцами, французами и англичанами — расширялись все больше, так что по фамилии уже было трудно определить национальность конкретного человека. В этом одна из характерных черт мультикультурного и мультинационального общества, образовавшегося в городе. Надо заметить, что проблемы взаимоотношения и сосуществования различных национальностей существуют и поныне.

В течение последних лет богатая библиотека по истории архитектуры и искусства Санкт-Петербурга постоянно пополняется новыми красочно иллюстрированными томами. Открываются все новые и новые страницы, к известным для всех достопримечательностям добавляются новые. Возрастает интерес петербуржцев к истории своего города, несмотря на массу проблем повседневной жизни.

Не уменьшается также интерес иностранных посетителей к памятникам прошлого, которыми еще сегодня можно любоваться на улицах, в парках и музеях второй русской столицы, а любителей старины из разных уголков мира продолжает привлекать к себе краса «северной Венеции».

В первой половине XIX в. в русской общественной жизни произошли заметные изменения, которые глубоко отразились на жизни Санкт-Петербурга. Революция во Франции, последовавшие за ней войны Наполеона и прежде всего вступление русских войск в Западную Европу оказали на офицерство, казачество и рядовых солдат русской армии огромное влияние. До этого времени только люди из высших слоев русского общества могли проводить годы учебы за границей (в Германии, во Франции и Италии) или ежегодно посещать модные водные курорты Южной Германии, или просто путешествовать по Парижу и Италии. Теперь же всем слоям русского общества пришлось знакомиться с новым укладом жизни, другими порядками, нравами, культурой и обычаями. В кругах дворянской интеллигенции среди молодежи витали идеи Французской революции. В то же время здесь появились эмигранты, связанные с монархической системой французского двора и знавшие об ужасах революции, спасаясь от нее в Северной русской столице. Здесь они пытались устроить свою жизнь после потери родины. Сегодня никто не скажет, скольким не удалось обосноваться в городе на Неве...

Однако некоторые из них оставили о себе незабываемую память, о них мы еще будем говорить.

Война с Наполеоном, победа над Францией и разгром французской армии оказали прогрессивное влияние на большую часть русского народа, в том числе и в Санкт-Петербурге. Город стал снова привлекательным местом для развития науки и искусства. Это хорошо заметно в эпоху строительства города при Александре I и Николае I. В это время резко и быстро формировался центр города. Было воздвигнуто много памятников и зданий, характеризующих сегодняшний облик бывшей столицы. Многие зарубежные архитекторы принимали в этом участие. По их именам можно проследить характерные пункты в истории города.

В 1818–1858 гг. по заказу Александра I был возведен новый кафедральный Исаакиевский собор по проекту Августа Монферрана. Он должен был стать не только нисколько не хуже, а даже лучше итальянских кафедральных соборов. Тогда же была воздвигнута главная лютеранская церковь города — Петри-кирхен (Немецкая лютеранская церковь Св. Петра) — впечатляющее творение архитектора А.П. Брюллова на Невском проспекте. С завершением строительства здания Главного Штаба и Министерства на Дворцовой площади в 1829 г. возник один из прекраснейших ансамблей города. В знак по-

беды над Наполеоном и увековечивания памяти Александра I царь Николай I в 1834 г. повелел воздвигнуть мощную колонну на Дворцовой площади, ставшую своеобразным центром перед Зимним дворцом. Колонна, созданная по проекту Монферрана, является и до сегодняшнего дня фантастическим техническим творением: монолит из красного гранита возносится на 25,5 м, а общая высота вместе с цоколем и трехметровой фигурой ангела, с чертами Александра I, достигает 47,5 м. Этот монолит был установлен в рекордное время — за 1 ч. 45 мин. — с помощью 3000 рабочих, солдат и матросов. Гравюры того времени запечатлели это событие. Колонна стоит на цоколе без какого-либо связующего или цементирующего состава, и ее собственный вес составляет 704 т.

Представители семейства Клодтов (*Klodt* или *Clodt*, как написано на могиле) связаны с историей культуры Санкт-Петербурга в различных аспектах. В первую очередь мы хотим рассказать о скульпторе Петре (Петре) Клодте. Он стал знаменитым благодаря прежде всего своей скульптурной группе «Укрощение коня» на Аничковом мосту. Петер Клодт начал свою карьеру офицером, тем самым продолжив семейную традицию. Но уже в 1818 г. в 23-летнем возрасте он прекращает службу в рядах русской армии и посвящает себя искусству. Без какой-либо предварительной специальной подготовки он в течение двух лет самостоятельно изучает древние и современные ему скульптуры и, как сказали бы сегодня, экстерном сдает отдельные предметы и выпускные экзамены за весь курс Академии художеств. Проходит всего лишь несколько лет, и Петер Клодт становится членом этой Академии и профессором в области скульптуры. В 1833 г. он начинает работать над скульптурной группой «Укрощение коня», которую первоначально предполагалось разместить на берегу Невы перед Адмиралтейством. Но по предложению самого автора скульптуры нашли свое место на Аничковом мосту через Фонтанку. И сегодня стоят они по четырем сторонам моста, спасенные от разрушений в период Второй мировой войны (их зарыли на время войны в саду Аничкова дворца). Они символизируют борьбу человека с мощью сил природы и победу человека в этой схватке-противостоянии. Клодт придал старой теме в искусстве конкретное живое содержание.

Копии двух из этих скульптур стоят и сегодня перед бывшей резиденцией королей в Неаполе — подарок русского царя Николая I. Вторую копию получил прусский король Фридрих Вильгельм IV. Эта группа была установлена перед северным порталом берлинского дворца.

В «Путеводителе» Карла Бедекера по Берлину и окрестностям 1912 г. (с. 65) при описании северного фасада дворца сказано: «Современны перед четвертым порталом “Укротители коня” в бронзе барона Клодта — подарок Николая I из России (1841)».

Во время Второй мировой войны обе скульптуры были укрыты от бомбардировок в надежном месте. Берлинский дворец сильно пострадал и позже был снесен. «Укротители коня» не смогли вернуться на свое прежнее место в центр Берлина и считались пропавшими. В недавно вышедшем в свет «Путеводителе по Берлину» сообщается даже, что обе конные группы «немецкого скульптора Петера Клодта» были подарены прусским царем Николаю I и в настоящее время установлены в Санкт-Петербурге на Аничковом мосту! Но в результате исследований, проведенных в Берлине, было установлено, что обе скульптурные композиции, которые более чем сто лет тому назад прибыли из Санкт-Петербурга в Берлин как копии с оригиналов Клодта и считались пропавшими во время Второй мировой войны, на самом деле были спрятаны во время войны, а после ее окончания установлены в Берлине в парке имени Кляйста в районе Кройцберг перед прилично сохранившимся зданием бывшего Берлинского суда, в помещении которого после 1945 г. располагалось Управление Контрольного совета союзнических войск. Для петербургских историков культуры это явилось приятной неожиданностью. Обе скульптурные группы оказались в целости и сохранности и просто ждали своего часа, когда их приведут в порядок и установят на подобающем месте. Скульптор Петер Клодт получил в свое время большое признание в Берлине благодаря своим работам и был принят в Берлинскую академию искусств.

Жители Саратова, старающиеся сохранить и описать историю немецких колонистов, были озабочены судьбой памятника Екатерине II, отлитого из бронзы в Санкт-Петербурге по проекту Петера Клодта и установленного в Саратове в 1863 г. в честь столетнего юбилея выхода в свет и широкого распространения Указа-Манифеста русской царицы о приглашении иностранцев в Россию. В 1941 г. памятник пропал; вероятнее всего, он был переплавлен. Но оригинал самой статуи сохранился и «украшает конференц-зал Академии в Санкт-Петербурге»⁷. Возможно, энтузиастам из Саратова удастся с помощью соотечественников и зарубежных граждан снова установить памятник на свое историческое место.

Но вернемся к *Петеру Клодту*. Первоначально он был похоронен на Смоленском кладбище — на старом плане дореволюционных вре-

мен указано место захоронения. Но оно не стало для него последним. Ему была уготована судьба, схожая с судьбой Леонарда Эйлера (*Leonhard Euler*). В 1936 г. останки Клодта были перенесены на другое кладбище. У нас не стыдились разлучать друг с другом даже семьи покойных.

На новом надгробии Клодта в Александро-Невской лавре исконная надпись с камня исчезла. Четко по-русски написано: «Скульптор Петр Карлович Клодт, 1805–1867». Хотели доказать, что он был русским скульптором. Немецкий шрифт и эпитафия у покойного были просто украдены, чтобы любыми путями забыть о его немецком происхождении. Исчез даже его прежний титул — барон!

Семейство Бенуа (*Benois*) происходит из Франции. Отец архитектора Николая Бенуа, француз, уже у себя на родине успешно утвердился в области кулинарии. После переселения и признания в Петербурге он смог показать свои способности и довольно быстро дослужиться до камергера по наблюдению за столом и кухней Его Величества Павла I, а позже и вдовы царя. Мать Николая Бенуа происходила из Германии и звалась Анна-Катарина Гроппе (*Groppe*). У них было 18 детей. Николай Леонтьевич Бенуа (1813–1889), родившийся уже в Петербурге, женился на дочери архитектора Альберта Кавоса (*Cavos*, 1801–1863) Камилле. Отец Кавоса Катерино переселился в Петербург из Италии. Молодой архитектор завоевал признание петербуржцев своими замечательными театральными зданиями.

Николай Бенуа учился в 1827–1836 гг. в Академии художеств у архитектора К.А. Тона. После насыщенных заграничных путешествий (1840–1846) началось его самостоятельное творчество в Петергофе и Петербурге: под его руководством и при его участии строились частные дома и вокзалы, церкви, а также театр в Гельсингфорсе (1864/65). Его обширная деятельность не может быть здесь подробно описана: интересующихся мы отсылаем к книге М.Н. Бартеневой, где воздается должное творчеству Николая Бенуа⁸.

На нашем кладбище есть могила *Марии Бенуа*, урожденной Фиксен (*Fixsen*, 1828–1906). Она явно принадлежала к этому обширному семейству, а ее девичья фамилия указывает на немецкое происхождение.

Талантливое и многодетное семейство Бенуа было хорошо известно в стране. Из него вышли выдающиеся деятели искусств. Александр Бенуа (*Benois*, 1870–1960) оказал большое влияние на театральную жизнь Петербурга рубежа XIX–XX вв. своими впечатляющими и запоминающимися декорациями.

В феврале 1863 г. в Россию приехал Рихард Вагнер (*Richard Wagner*) для постановки своей оперы «Тристан и Изольда» в Петербурге и Москве. В 1868 г. состоялась премьера оперы «Лоэнгрин» в Мариинском театре. Эти постановки послужили в последующие десятилетия поводом к острым дискуссиям между академическими кругами русской музыкальной жизни вокруг Рубинштейна и авангардистскими композиторами вокруг Мусоргского и Римского-Корсакова. В этом диспуте Александр Бенуа, «легендарный обновитель сцены», как его назвал один из театральных критиков, расставил новые акценты, потому что Бенуа «не увидел в этом творении между романтизмом и современностью ничего исторического, а только мистическое, и, что само собой разумеется, нечего что-то искать в сверкающих как самовары металлических шлемах и щитах. Его петербургская постановка “Тристана” возвысилась в свое время до обновленной трактовки этой оперы вообще»⁹.

Происхождение семейства Брюллов (*Brullov*) выявлено благодаря исследованиям Эрика Амбургера. Он установил, что Брюлловы проживали в окрестностях Люнебурга и являлись членами лютеранской общины по крайней мере уже с первой половины XVII в. Среди Брюлловых известны художники и скульпторы. Архитекторы с этим именем значительно повлияли на строительное искусство Петербурга в первой половине XIX в. Отец художника Карла Брюллова был членом Академии художеств в отделе орнаментальной пластики. Карл учился в этой же Академии, с 1822 г. жил и работал как стипендиат русского общества по изучению искусств в Италии. В 1836 г. он получил назначение профессором в Петербург, но по состоянию здоровья с 1849 г. снова жил за границей, преимущественно в Италии.

Карл Брюллов очень ярко выразил русскую живопись своего времени. Посетителям Русского музея он знаком многими своими картинами и в первую очередь известнейшим полотном «Последний день Помпеи», возбуждившим живой интерес еще при жизни художника. Поначалу Карл Брюллов подписывал свои работы как «Карл Брюлло», опираясь на старую форму правописания своей фамилии. Профессор архитектуры Николаус фон Брюллов (1826–1885), также преподававший в Академии художеств и ставший известным городским архитектором, был его племянником. Именно он и похоронен на Смоленском кладбище.

Профессор Теодор фон Брюлло (*Brüllo*, 1793–1869), брат художника Карла Брюллова, тоже погребен на этом кладбище. Другой брат художника, Александр Брюллов (1798–1877), также завоевал себе имя архи-

тектора в Петербурге. Будучи профессором, он преподавал в Академии художеств, а после большого пожара в Зимнем дворце (1837) вместе с архитектором Стасовым руководил восстановительными работами. По его проекту был восстановлен роскошный Малахитовый зал. К его значительнейшим работам и сегодня причисляют главную обсерваторию Академии наук в Пулково (открыта в 1839 г.), здание Главного штаба Гвардейского корпуса на Дворцовой площади и церковь Петрикирхен на Невском проспекте. Александр Брюллов, так же как и Карл Брюллов, нашли место своего покоя в Павловске.

Другим промыслом владел Карл Винклер (1845–1900), мастер художественного литья. В его мастерской создавались выдающиеся произведения литого искусства, обогатившие архитектурный лик города. Возможно, *Винклер* получил образование в Центральном училище технического рисования барона А.Л. Штиглица. Кованые решетки Карла Винклера и сегодня украшают улицы и площади города — достаточно вспомнить обрамление сада Михайловского дворца — с 1895 г. там расположен Русский музей, наибольшее собрание русского искусства после Третьяковской галереи в Москве.

Производство монет и медалей, несмотря на все технические достижения, требовало прежде всего наличия художественных способностей, которыми воистину обладал «Его Императорского Величества Монетного двора медальер 10-го класса Генрих Губе (*Heinrich Gube*, 1802–1848)»¹⁰. Г. Губе родился в Братиславе, в Вене овладел художественным ремеслом и поступил на работу на Монетный двор фон Лооса (*von Loos*) в Берлине. В 1830 г. по требованию главного медальера Санкт-Петербургского монетного двора он начал свою деятельность на благо России. «С конца 30-х годов (XIX в.) он, кроме того, преподавал курс “Медали и монеты” в Горной школе Технологического института», — как сказано в том же каталоге «Ст. Петербург в 1800 гг. Золотой век Российской империи». Надпись на его могиле свидетельствует о высоком признании, которое заслужил Андрей Игнатьевич, как звали в Петербурге Генриха Губе.

На надгробии Иоганна Фридриха Беггрова (*Beggrow*) нанесены лишь даты жизни: 1793–1877. Скупая информация — и более ничего о человеке, который родился еще в XVIII в. Из «Немецко-балтийского биографического лексикона» мы узнаем, что Иоганн Фридрих Беггров родился в Риге, а его отец был часовых дел мастером. С 1812 г. И.Ф. Беггров преподавал техническое рисование в Москве, затем в Петербурге. После нескольких неудачных попыток состояться гравером, он все же в

1817 г. создает первую частную российскую литографическую мастерскую в Петербурге. Ему удалось добиться успехов в этой области, ибо в 1841 г. он получил титул «свободного художника Академии художеств» в российской столице.

Из того же источника мы узнаем, что его брат Карл Иоахим (1799–1875) тоже работал художником-литографом и даже после окончания Академии художеств в 1825 г. получил титул «мастер литографии» за свою деятельность в Главном управлении дорожных коммуникаций. В 1832 г. его произвели в академики за изготовленный им перспективный вид Михайловского дворца.

Блестящим представителем эклектизма в последние десятилетия XIX столетия был известнейший архитектор Петербурга граф Павел Сюзор (*Paul Suzor*). Крест на его могиле был изготовлен после революции в 1919 г., и посему надпись нанесена на русском языке в новой орфографии: *Павел Юрьевич Сюзор (1848–1919)*. Мы стоим перед наполовину разрушенной могилой с крестом — точно такая же могила рядом принадлежит его жене Софии Александровне, дочери уже упоминавшегося нами архитектора Александра Брюллова. Крест на ее могиле сломан и валяется на земле. Могильные раковины и кресты на обеих могилах изготовлены из смеси камня и щебенки, как это часто делалось в послереволюционные годы.

Трудно представить себе, что именно здесь похоронен человек, который в свое время слыл известнейшей личностью в городе. Павел Сюзор был организатором и ведущим регулярных съездов русских зодчих, являлся председателем Общества архитекторов-художников и художественно-исторического музея «Старый Петербург», основанного Александром Бенуа. Улица Пушкина является и сегодня особенной достопримечательностью города — здания на ней построены исключительно по проектам Сюзора. Благодаря этому улица получила особую привлекательность. По проектам Сюзора в центре города были возведены десятки жилых домов и учреждений, например, импозантное здание фирмы по изготовлению швейных машинок «Зингер и Ко», построенное на Невском проспекте в 1902–1904 гг. Сегодня оно известно как Дом книги, между прочим, это было первое здание с внутренней металлоконструкцией купола. Так же и здание бывшего Петербургского Общества взаимного кредита на набережной канала Грибоедова было возведено в 1888–1890 гг. по проекту Сюзора. Павел Сюзор собрал многочисленные экспонаты по истории города и тем самым заложил первый камень для будущего Музея истории Ленинграда.

Могила этого человека сегодня запущена, заросла травой, за ней уже долго никто не ухаживает. Скорее всего о ней позабыли и считают затерянной. Даже отчество на ней написано некорректно: «Юрьевич», хотя Сюзор был Павел Юльевич.

Написание немецких фамилий было приспособлено к особенностям немецкого и русского языков. В результате браков при смешении различных национальностей часто изменялось и правописание фамилий — и этот факт тоже становился признаком интеграции людей нерусского происхождения в русское окружение. Мы наблюдаем это не только у немцев, но и у других иностранцев, проживавших в Петербурге.

Надпись на могиле архитектора Антонио де Адамини (*Antonio de Adamini*, 1794–1848) сделана на итальянском языке, так же как на соседнем с ним захоронении его жены и на могиле Гаэтано Чинизелли (*Gaetano Ciniselli*, 1815–1881) — к этому имени мы еще вернемся. Однако большинство надписей на других камнях общего семейного захоронения Чинизелли — а таковых семь надгробий — выполнено уже на немецком языке. У Чинизелли жена была немкой с девичьей фамилией Гинне (*Hinne*).

Как гласит легенда, Петр Великий начинал свои письма следующими словами: «Из рая, именуемого также Санкт-Петербургом...». Сегодня мы знаем не всех зодчих, которые возвели этот «рай», это великолепный город на широкой реке Неве. Однако установлено, что в этом приняли участие много немецких архитекторов и строителей.

Полуразрушенная известняковая плита указывает нам на то, что под ней тоже был похоронен художник. Она лежит прямо на одной из дорожек — совершенно непонятно, кто и зачем ее сюда притащил. Лишь с трудом и то неполностью удалось расшифровать: «художник-мастер Готтхильф Фердинанд Рейме (*Reime*)...». Вторая часть надписи уничтожена. Готтхильф Фердинанд Рейме родился в Данциге в 90-х гг. XVIII в. — последняя цифра в дате рождения плохо узнаваема. Он умер в 1843 г. Больше мы ничего не можем узнать из этой надписи. Что и где он «мастерски» творил? И кто знает сегодня об этом человеке?

Художника Вольдемара Гау (1816–1895) знает любой посетитель петербургских музеев. Сначала же, когда я обнаружил могилу Вольдемара Хау (*Woldemar Hau*), я не мог представить себе, кто он такой. Но однажды я услышал, как родственник этого художника произнес фамилию «Гау» на русский манер. И хотя я уже долго занимался проблемами фонетического и орфографического переложения имен и фамилий, это

явилось для меня открытием: внезапно перед моими глазами предстал знаменитый художник со своими портретами и акварелями, выставленными в Русском музее, — художник в лучшем смысле этого слова. Можно ли найти связь между В. Гау с происходящим из Англии художником Эдвардом Гау (или Гоу), или просто фамилия одна и та же? Известно написанное им в 1881 г. полотно, на котором изображен рабочий кабинет Александра II, — почти фотографический снимок буржуазной напыщенности.

На этом месте позволим себе маленький экскурс в прошлые века, который приведет нас к известной в то время в Петербурге личности. Если взглянуть на первые десятилетия после основания нового города, то становится очевидно, что молодая российская столица очень скоро превратилась в важное место выхода в свет не столько русских, сколько в первую очередь немецких книг. В одном из каталогов называется 2218 немецких названий книг, вышедших в свет в XVIII в. в России. Более половины из этих наименований было издано еще в Риге в течение XVIII в., но уже в XIX в. немецкие книги издавались в основном в Санкт-Петербурге. Сегодня трудно установить точную цифру — она явно перешагнет многие десятки тысяч. В этой связи Эрик Амбургер ставит очень интересный вопрос о круге читателей немецкой литературы и сам же очерчивает его следующим образом: ученые Академии наук, учителя, врачи, аптекари, немецкие переселенцы в своем большинстве, немецкие торговцы и люди, жившие в провинциях с официальным административным немецким языком, к которым в то время относилась и часть Финляндии с Выборгской губернией, принадлежавшая России. Далее к кругу читателей немецкой литературы Амбургер причисляет служащих, офицеров и часть сельского дворянства, а также дворянство Петербурга и Москвы¹¹.

Давняя практика издания немецкой печати как в России, так и Германии указывает на значительный круг читателей за пределами России, прежде всего в Германии. Многие примеры подтверждают это. Российская столица, характеризующаяся многочисленными культурными влияниями, предлагала богатое поле деятельности инициативным книготорговцам и книгоиздателям. Красноречивым свидетельством этому является издатель особого рода, чье захоронение тоже находится на нашем кладбище. На его могиле воздвигнут мощный мраморный постамент, на котором до недавнего времени лежала символическая раскрытая книга из того же мрамора. Цоколь указывает на то, что бюст завершал памятник. Бюст смог сохраниться, потому что его спасла смотрительница

кладбища: она спрятала его в один из пустых склепов, пока не пришли знающие реставраторы и по ее указанию не извлекли бюст из склепа. Они забрали его с собой, чтобы в своей реставрационной мастерской спасти от разрушений. Зато исчез камень, символизирующий раскрытую книгу.

Надгробие принадлежит книгоиздателю и просветителю Болеславу Маврициусу (Маврикию Осиповичу), или Морщу О. Вольфу (*Moritz O. Wolff*). Родившись в 1825 г. в Варшаве, Вольф 13-летним мальчиком поступил в ученики к опытному книготорговцу и издателю Глюксбергу (*Glucksberg*) у себя на родине. Далее учеба была продолжена в Лейпциге у Брокгауза (*Brockhaus*) и в Париже. В последующие четыре года Вольф продавал книги по поручению варшавской фирмы в имениях западных губерний России, пока не накопил денег, чтобы осесть в Петербурге. Очень скоро он смог открыть свою собственную книжную лавку на великолепном месте города — на Невском проспекте в Гостином Дворе, где располагался большой торговый ряд. Прежде всего тщательно подобранный ассортимент литературы, который Вольф предлагал своим покупателям, привел к тому, что очень скоро его лавка стала местом встречи избранных литераторов того времени, таких как Тургенев, Гончаров, Достоевский, Островский и Салтыков-Щедрин. Владельца магазина мало беспокоил тот факт, что цензоры призывали его к большей осторожности в связи с оживленными дискуссиями, происходившими в его помещениях нередко в поздние часы.

Очень хорошо продуманным выбором литературы в своем магазине *Вольф* преследовал мысль по возможности облегчить всем слоям населения России путь к образованию. Поэтому неудивительно, что владелец книжной лавки вскоре основал свое собственное издательство, в котором выпускал педагогическую литературу. У него издавались книги для детей и юношества, за которыми последовали и учебники. Каждый славист знает уже упоминавшийся «Словарь русского языка» в четырех томах. Его составил в течение десятилетней работы сын теолога из балтийской провинции — Владимир Даль (*Dahl*). Маврикий Вольф издал этот словарь в 60-х годах XIX в. к 25-летию юбилею своего издательства, а также осуществил у себя и второе издание словаря в 1880–1882 гг. Словарь издается и сегодня и пользуется успехом. Предпринимательство Вольфа было наконец возведено в ранг Поставщика Его Императорского Величества. В 1883 г. после смерти Маврикия дело его до 1917 г. было продолжено сыновьями Евгением — он похоронен вместе с отцом — и Людвигом. После револю-

ции Людвиг Вольф вместе с семьей покинул страну и обосновался в Германии. Очень хорошим примером соблюдения традиций явился и тот факт, что внук *Маурикия Вольфа*, Андреас, в 1931 г. снова открыл книжный магазин «Библиотека Вольфа» в Берлине-Фриденау. Здесь и сегодня продолжают поддерживать прекрасную атмосферу для читающей публики, тщательно подбирая литературу, а также устраивая чтения и встречи с писателями, что является ценным показателем сохранения традиций европейской истории культуры.

Приятное дополнение: в результате бесед по нашей теме госпожа Катарина Вольф-Вагенбах (*Wolff-Wagenbach*), известная берлинская издательница и продолжательница династии книготорговцев, выпускающая «Тетради Фриденау»¹², задумала реставрировать памятник своему знаменитому прадедушке, с почестями похороненному на Смоленском кладбище. За прошедшие годы памятник сильно пострадал, впрочем, так же как и многие другие. Возможно, этот замысел удастся осуществить, чтобы надгробие Маурикия Вольфа получило свой прежний вид, подобно тому как недавно была реставрирована могила Фридриха Шуберта (*Schubert*) его родственниками.

На кладбище мы встречаемся с фамилией, которая с редкостным постоянством уже более сотни лет как в России, так и за границей, мгновенно воспринимается однозначно и оказывает как на знатоков, так и на любителей ювелирного искусства незамутненное очарование — Фаберже (*Faberge*). Фаберже известны в первую очередь своими «пасхальными яйцами», которые, по общему мнению, принесли владельцу фирмы Карлу Фаберже титул и славу придворного ювелира. На самом же деле он привлек к себе внимание изготовлением золотых копий скифских сокровищ, обнаруженных при раскопках в Керчи. Именно в этом же 1885 г. он получает возжеланный титул придворного ювелира. Возможно, что и первое из его «пасхальных яиц», выполненное по заказу Александра III для царской семьи, относится к тому же году.

О семействе Фаберже и об истории их фирмы можно писать очень много. Предки прослеживаются до XVII столетия. Они происходили из Пикардии во Франции и проживали в окрестностях Амьена. Как и многие их земляки, они покинули родину по религиозным причинам, когда с этих земель изгнали гугенотов, и прибыли в Пруссию. В документах того времени они писались как Фабри (*Fabri*) или Фаври (*Favri*) — форма написания фамилии варьировалась в документах в зависимости от времени. Первым местом обоснования семьи Фаберже в Пруссии названы Фаренвальде (*Fahrenwalde*) и Россов (*Rossow*). Родо-

начальником переселившихся на восток был Пьер Фаври (1769–1858), родившийся в городе Шведт (*Schwedt*) на Одере. Его отец Жан был тоже сыном переселенца Даниэля Жана Фабри. В этой местности на Одере осели многочисленные семьи гугенотов. Они привезли с собой из Франции культуру разведения и производства табака. В конце XVIII столетия Пьер Фабер свернул свое табачное производство и снова стал искать счастье на чужбине. Закончилось его странствование в эстонском городе Пярну. Он обосновался здесь и в 1790 г. женился на Марии Луизе Эльснер (*Eisner*), дочери сыромятника Готтфрида Эльснера из Шлезии.

Граждане города засвидетельствовали свое почтение к уважаемому мастеру столярного дела, заказав в 1843 г. художнику-современнику фон Вангерсгейму (*Wangersheim*) портреты Пьера Фабержера (*Faberger*), как он тогда звался, или Фаберже, и его жены Марии Луизы, урожденной Эльснер (1776–1855). Эти портреты до 1939 г. были вывешены в картинной галерее города Пярну. **В семейном архиве потомков сохранились лишь фотографии с этих портретов**¹³.

У Пьера Фаберже было четверо детей. Младший сын Густав (1814–1893) выучился в Пярну на золотых дел мастера. Но провинциальный город не предоставлял достаточных возможностей для разворачивания работы в этом направлении, и молодой человек в 1841 г. переехал в Петербург. Здесь Густав женился на Шарлотте Юнгштедт (*Jungstedt*) и основал свою собственную ювелирную мастерскую. «Густав смог в течение времени все больше и больше расширять свое дело. Его работы отличались доброкачественностью и большим вкусом, так что постепенно он завоевал себе имя и добрую славу в высших кругах столицы», — гласят семейные воспоминания¹⁴.

Два десятилетия проживал ювелир со своей семьей в российской столице. В 1860 г. он передал свои дела партнеру и переехал в Дрезден. Возможно, на это решение повлияла смерть дочери Эмилии (1853–1858). Эмилия похоронена на Смоленском кладбище.

Сын Густава Карл (1846–1920) учился в Анненшуле в Петербурге. В 1860 г. он вместе с родителями переехал в Дрезден, где закончил не только свое образование, но и был подтвержден. Поскольку образцом для него была карьера отца, то он использовал возможности для профессиональной квалификации, учась у известнейших мастеров золотых дел и полировальщиков камней в Германии, Франции, Италии и Англии. На протяжении многих десятилетий Карл Фаберже оказал своим мастерством влияние на целую эпоху ювелирного дела начиная

с 1870 по 1918 гг., пока он не покинул Россию, т.е. в течение почти полу столетия.

На нашем кладбище покоится его сестра Александрина, в замужестве Кошке (*Koschke*, 1844–1896), брат Агафон (*Agathon*, 1862–1895), работавший несколько лет в ювелирной мастерской Карла, а также сестра их отца Густава Каролина, в замужестве Реймер (*Reimer*, 1798–1873).

Это лишь некоторые могилы, принадлежащие членам семейства Фаберже. Многочисленные потомки Карла Фаберже рассеяны сегодня по всему свету. Его сын Агафон, родившийся в 1876 г., работал по желанию отца вместе с ним на фирме и в будущем должен был перенять ее. Но его интересы принадлежали больше филателии, чем ювелирному делу. С середины 1920-х гг. он жил в Финляндии, где стал известным благодаря своей обширной филателистической коллекции. Умер в Хельсинки в 1951 г.

Ювелирное искусство Карла Фаберже принадлежит уже ушедшей эпохе. Талант и мастерство ее создателя нашли в десятилетия перед Первой мировой войной в российской столице подходящие условия для создания неповторимых произведений. Эта эпоха закатилась вместе с шефом-руководителем ювелирной фирмы-мастерской. Все последующие попытки возобновить ее в позднее время не смогли привести к ренессансу.

¹ В процессе подготовки перевода вышла в свет книга: *Кириков Б.М., Штуглиц М.С.* Петербург немецких архитекторов. От барокко до авангарда. СПб., 2002.

² Эрик Амбургер считает архитектором Реформатской церкви Карла Брюллова, см.: *Amburger E. Deutsche in Staat, Wirtschaft und Gesellschaft Rußlands. Familie Amburger in St. Petersburg 1770–1920. Wiesbaden, 1986. S. 39* (*Амбургер Э.* Немцы в политической, хозяйственной и общественной жизни России. Семья Амбургер в Санкт-Петербурге в 1770–1920 гг. Висбаден, 1986. С. 39).

³ *Николаева Т.И.* Виктор Шретер. Л., 1991.

⁴ Исторические кладбища Петербурга: Справ.-путеводитель. СПб., 1993. С. 304.

⁵ Исторические кладбища Петербурга: Справ.-путеводитель. СПб., 1993. С. 294–304.

⁶ *Шульц С.* Храмы Санкт-Петербурга (история и современность): Справ. издание. СПб., 1994. С. 86.

⁷ *Herr A.* Geschichte eines Denkmals // Phönix: Almanach der Rußlanddeutschen für schöngeistige Literatur und Publizistik, Politik und Geschichte, Christ und Welt. 1993. N 2. S. 250 (Герр А. История одного памятника // Феникс. 1993. № 2. С. 250).

⁸ *Бартенева М.Н.* Николай Бенуа. Л., 1985.

⁹ *Neue Zeit (Berlin) vom 15. September 1993* — «Новое время» (Берлин) от 15 сентября 1993 г.

¹⁰ В «*St. Petersburg um 1800. Ein goldenes Zeitalter des russischen Zarenreiches*» (*Recklinghausen*, 1990) на с. 486 приводится год рождения Губе — 1805.

¹¹ *Amburger E.* Buchdruck, Buchhandel und Verlage in St. Petersburg; zit. nach: Deutschsprachige Drucke Moskauer und Petersburger Verlage 1731–1991. Lüneburg, 1995. S. 11.

¹² «Friedenauer Hefte».

¹³ Семейный архив Эрики Фогт.

¹⁴ Там же.

А.Ф. Векслер

Реформатское училище: 1818–1918 гг.

Красивое пятиэтажное здание в стиле модерн стоит на плавной излучине реки Мойки. Его огромные окна, стайки детей говорят о назначении этого светлого дома: несомненно, это школа!

Архитектура здания выдает его возраст — не менее века. Можно лишь позавидовать ее обитателям — и ученикам, и учителям: ведь не многие городские школы размещаются в исторических зданиях, да еще в центре города. «Реформатское училище» — значит на белом фоне домовый таблички с адресом «наб. р. Мойки, 38». Это адрес школы. Реформатское училище, училище при реформатских церквях — старинное название учебного заведения, когда-то занимавшего этот участок в центре города. Первая школа на месте, где ныне гостеприимно распахнуты двери 636 муниципальной школы с углубленным изучением иностранных языков, была учреждена 11 марта 1818 г. и начала свои занятия 20 октября того же года. «Школа основана попечением пасторов церкви немецкого, французского и голландского приходов господами Делосозе, Муральтом и Темлингом и старшинами церкви господами Жерве, Лобреном, Вейером, Саломе, Гроотеном, Беккерсом и Браувером для первоначального образования детей сих приходов и посторонних, — читаем мы в 84-м номере “Санкт-Петербургских ведомостей” за 20 марта 1843 г. в статье о 25-летию Училища при реформатских церквях. — Для помещения школы построено было здание на счет кассы сих приходов и посредством добровольных приношений благонамеренных господ. Содержалась же она умеренною платою за обучение; случавшиеся недоимки покрывались из церковной кассы. Бедные ученики пользовались обучением бесплатно. Число обучающихся ныне в